

Мудрый Маччи.

Жила-была въ одной деревнѣ вдова съ дочерью и сыномъ. Дочь была молодая дѣвица; и вотъ когда она однажды утромъ вышла изъ дому — выполоскать на берегу озера вѣники, — увидѣла на другой сторонѣ озера домъ, поглядѣла на него и расплакалась. Приходить въ избу къ матери, а сама плачетъ забывается. «Что же ты плачешь, милая дочка?» спрашиваетъ у ней мать, «обидѣлъ тебя кто-нибудь или слово грубое сказалъ?...» — Нѣтъ, маменька, отвѣчаетъ дочь, не обидѣлъ меня никто, и слова грубаго я не слышала ни отъ кого; а плачу я отъ того, что когда полоскала вѣники увидѣла на другой сторонѣ озера на самомъ берегу домъ — и подумала: а что еслибы да меня выдали замужъ въ тотъ домъ; радился бы у меня ребеночекъ-мальчикъ, пошелъ бы онъ играть на «уличку», ходилъ бы онъ, игралъ бы и, по глупости своей, забрелъ бы въ воду и утонулъ... Вотъ чего я, милая матушка, и плачу такъ сильно»... Мать выслушала свою плачущую дочь, и сама разжалобилась, сѣла на скамейку рядомъ съ дочкой и давай плакать... Плачутъ обѣ мать и дочь... Приходить съ работы сынъ и спрашиваетъ: чего вы плачете, мать и сестра?... Обидѣлъ ли кто васъ или слово грубое кто сказалъ?... — Нѣтъ, не обидѣлъ насъ никто, и слова грубаго мы не слышали ни отъ кого, а плачемъ отъ того, что сестра твоя дѣвица пошла сегодня вѣники полоскать въ озерѣ; полоща, она увидѣла на другой сторонѣ озера на берегу домъ и подумала, что если бы она была выдана туда замужъ, родился бы у ней ребеночекъ — мальчикъ, пошелъ бы онъ играть на уличку, ходилъ бы онъ, игралъ бы и, по глупости своей, забрелъ бы въ воду и утонулъ бы... вотъ чего мы и плачемъ, вотъ изъ за чего и слезы роняемъ... Выслушалъ сынъ — мать и сестру и въ первое время просто изумился: «—ну, говорить онъ имъ, сколько живу на семъ свѣтѣ такихъ глупыхъ людей еще не видалъ... Пойду скитаться по міру, и если найду трехъ человекъ глупѣе васъ, то ворочусь, а если не сыщу нигдѣ, то не ждите больше отъ меня мягкихъ и теплыхъ хлѣбцовъ...

Собралъ Маччи котомочку, вскинулъ ее за плечи и отправился въ дальнюю сторону. Идетъ день, идетъ другой, наконецъ, приходитъ въ одну деревню и останавливается въ ней на ночлегъ. Вечеромъ жильцы-хозяева, того дома, въ которомъ онъ остановился, отправились въ баню... Только что за чудо? Идутъ люди въ баню, а подштанники дома оставляютъ. Напарились, намылись хозяева въ банѣ и возвращаются домой безъ подштанниковъ. Вошли въ избу, и всѣ мужчины поднялись на полку, а бабы ихъ подштанники несутъ и подъ самой полкой прилаживаютъ ихъ въ стоячемъ положеніи... Скочилъ одинъ мужикъ, скочилъ другой, — все мимо подштанниковъ, никакъ въ цѣль не попадаютъ. Въ каждый разъ, какъ скочить кто не удачно, не попадетъ въ подштанники, хлопъ свою бабу по щекѣ, зачѣмъ-молъ худо подштанники подставила... Снова отгуда скачутъ, — и опять неудачно, опять мимо подштанниковъ — и ну бить бабъ... До самой полуночи бились съ подштанниками и утомились до смерти... Маччи глядѣлъ — глядѣлъ на эту безтолковщину и заговорилъ: «Зачѣмъ все это вы, крещенные, дѣлаете? Развѣ такъ подштанники одѣваютъ? Одѣтъ ихъ можно иначе, да и съ большимъ удобствомъ»... — Какъ?... Скажи, пожалуйста, научи, мы за это тебѣ заплатимъ... «Да вотъ какъ», говоритъ Маччи; самъ сѣлъ на лавку, протянулъ ноги и руками легко натянулъ подштанники... Хозяева просто рты разинули; — Сколько, говорятъ живемъ мы на свѣтѣ, до сихъ поръ и въ голову не приходилъ этотъ простой способъ одѣванія подштанниковъ... Спасибо тебѣ, добрый молодецъ, что научилъ»... Накормили, напоили Маччи да еще дали денегъ 5 рублей.

Идетъ Маччи дальше. Приходить опять на ночлегъ въ одну деревню. Сидятъ хозяева, ужинаютъ «хутту» (каша изъ ржаной муки) ѣдятъ... Возьметъ каждый ложку «хутту» и бѣжитъ въ чуланъ за сметаной; съѣсть ложку, другую хватить и опять въ чуланъ за сметаной и т. д. и т. д... Глядѣль-глядѣль Маччи на это бѣганье изъ избы въ чуланъ, и потомъ обратно—изъ чулана въ избу и говорить: «Зачѣмъ вамъ бѣгать каждый разъ съ ложкой «хутту» въ чуланъ? Вѣдь это очень утомляетъ, а можно бы сдѣлать такъ, что и бѣгать не придется»...—А какъ же, спрашиваютъ хозяева, если можешь такъ, пожалуйста, ужъ научи, а мы тебѣ за это заплатимъ... «Да вотъ какъ, говорить Маччи, смотрите», и самъ принесъ горшокъ съ сметаной изъ чулана и поставилъ его на столъ,—хозяева такъ и ахнули отъ изумленія: «сколько, говорятъ ои, на свѣтѣ жили, а до сихъ поръ вѣдь такъ устроить—и въ голову не приходило». Напили накормили Маччи и дали еще ему 5 руб. за выучку.

Идетъ Маччи дальше и думаетъ дорогой: въ двухъ мѣстахъ нашелъ глупыхъ людей, а если въ третьемъ еще найду, тогда домой возвращусь и буду кормить мать и сестру... Приходить Маччи опять въ деревню; только зашелъ онъ въ деревню, видитъ, какъ изъ одного дому выскочило на улицу четыре человѣка съ припономъ; разостлали его на солнцепекѣ, потомъ снова быстро поспѣшно схватили его за четыре угла и опять унесли въ избу. Скоро опять выскочили изъ избы, снова разостлали припонъ и обратно въ торопяхъ снесли въ избу и т. д. и т. д. Долго глядѣль на это Маччи и никакъ не могъ понять, что бы это значило: люди съ припономъ бѣгаютъ; по видимому ничего не несутъ, а разстелютъ только на солнцепекѣ и опять въ избу несутъ; потъ на лицахъ ручьями льется.... Глядѣль, глядѣль Маччи и спрашиваетъ у этихъ людей: «Что вы дѣлаете, добрые люди? Я стою и смотрю и никакъ не могу понять, надѣ чѣмъ вы такъ стараетесь»...—Ой, братъ, говорятъ Маччи четыре человѣка, не мѣшай намъ въ нашей работѣ... Вотъ выстроили домъ,—домъ хорошій, крѣпкій, жить только, въ немъ, такъ вся бѣда въ томъ, что свѣту нѣтъ; вотъ мы и стараемся въ припонѣ занести свѣтъ въ избу... Но ужъ скоро годъ, какъ трудимся, а до сихъ поръ въ избѣ темно, какъ въ могилѣ... «Да зачѣмъ же вамъ такъ свѣтъ въ избу нести? Можно иначе и гораздо легче сдѣлать это»...—А какъ же, спрашиваютъ Маччи?... Если ты знаешь какое другое средство, такъ, пожалуйста, научи, а мы будемъ очень тебѣ благодарны и за то тебѣ деньги заплатимъ. «Да вотъ какъ, говорить Маччи: роздалъ каждому по топору, и самъ взялъ топоръ, и давай рубить окна въ избу. Прорубили 5 оконъ въ избу: 3 съ лица и по одному съ боковъ, и въ избѣ стало свѣтло, какъ на улицѣ... Стоятъ мужики, удивляются и думаютъ: какъ это имъ прежде въ голову не могло придти такое простое средство освѣтить избу... Напили, накормили Маччи и въ благодарность дали ему еще 5 рублей денегъ... Взялъ Маччи деньги и пошелъ домой... Пришелъ домой и говорить матери и сестрѣ: «ваше счастье, нашелъ въ трехъ мѣстахъ людей глупѣе васъ, ѣште хлѣбъ до самой смерти, буду кормить безъ словечка»...

Н. Лысковъ.

Ш у т ь Г р и г о р і й.

Въ одной деревнѣ жилъ-былъ крестьянинъ, по имени Шуть-Григорій. Не даромъ такое имя дано было ему. Не было ни проѣзду, ни проходу ни конному, ни пѣшему, котораго бы Григорій не обозвалъ какъ-нибудь. И какъ кого прозоветъ, такая кличка за тѣмъ человѣкомъ навѣкъ и останется; «какъ гвоздями прибить», поговариваютъ объ этой способности Григорья сосѣди-мужички. Украсть, обмануть, соблазнить дѣвушку, «опохожать» (т. е. осмотрѣть и стащить потомъ рыбу) чужую ловушку—никто не могъ такъ ловко, какъ это дѣлалъ Григорій. Всѣ знаютъ, что это Григорій сдѣлалъ, его работа,—но уличить никогда не могутъ. Такъ ловко спрячетъ концы, что самому, «папалайнэ» не отыскать. Цѣлыми днями иногда Григорій ничего не дѣлалъ: лежить себѣ на теплой печи и придумываетъ—какую-бы ему еще штуку выкинуть. Лежить насвистываетъ, какъ бы тетерокъ приманиваетъ, а жена его ужъ горячіе «ростѣги» (особый видъ пироговъ) масломъ мажетъ да съ поклонами Григорью подноситъ. А Григорій ѣстъ да ухмыляется: умѣлъ, говорить, нажить, умѣю и ѣсть. Слезетъ иной разъ вечеромъ съ печи, нащиплетъ лучины или сплететъ корзину и опять на цѣлый вечеръ правъ, сидитъ безъ дѣла, рассказываетъ сказки, прибаутки, загадываетъ загадки да семейныхъ смѣшаетъ. Даже русскіе пріѣзжали слушать Григорьинныхъ сказокъ. Пріѣдутъ это съ деньгами, по недѣлѣ сидятъ на подпольницѣ, рта не смѣютъ открыть, слушаютъ его... А Григорій сидитъ себѣ на печкѣ, ногами помахиваетъ да языкомъ болтаетъ. Лѣтомъ—нечего дѣлать, такъ Григорій въ лѣсъ ходитъ, бересты надеретъ, мячики ребятишкамъ дѣлаетъ и цѣлые дни этимъ забавляется; какъ глупенькій рѣзнится, скачетъ, на одной ногѣ прыгаетъ, «кода»—мячикомъ играетъ. Не было у Григорья никакой скотины въ домѣ, только и было у него, что черная, старая кошка да собака Мутти. Разъ вздумалось Григорью идти «пало» (пожогу) пахать. Лошади у него своей не было; вотъ онъ и пошелъ къ попу лошади просить. Батюшка, говоритъ Григорій, думаю идти «пало» пахать, такъ одолжи пожалуйста лошади и соху,—возвращу съ благодарностью...—«Да вѣдь ты напакостишь только, Гришка, говоришь ему попъ. Я дать дамъ, мнѣ не жалко, отчего не дать человѣку въ нуждѣ, но не будетъ только съ тебя пахаря; какой съ тебя пахарь?... Ты бы шелъ лучше къ русскимъ да языкомъ у нихъ болталъ, да денежки за это получалъ: вѣдь они до этого охотники»...—Нѣтъ, батюшка, дай ты мнѣ лошадь и соху; буде что случится съ ними недоброе, тебя самого позову, не полѣнюсь, сбѣгаю... Взялъ Гришка лошадь и цѣлый день возился съ ней, пахалъ-парапалъ «пало». Вечеромъ ѣдетъ домой... Проѣзжаетъ мимо болота, глядитъ болото-вязкое, глубокое, взялъ да и заѣхалъ въ него: «а пусть, говоритъ, околѣваетъ лошадь, у попа ихъ много». Взялъ потомъ—почти совсѣмъ отрубилъ у лошади голову, только на верхней шейной шкуркѣ оставилъ висѣть, и самъ съ крикомъ и плачемъ побѣжалъ въ деревню къ попу. «Ой, батюшка, несчастье случилось со мной: лошадь твоя завязла въ болотѣ, стоптъ, золотая, хвостомъ не шевельнется, до самаго брюха въ болото ушла...» Попъ съ крахтеньемъ и неудовольствіемъ поднялся и крѣпко выругалъ Григорья: «говорилъ я тогда тебѣ, сатанинская голова (саттананъ піа), что гдѣ тебѣ съ лошадью справляться,—вѣкъ чего въ рукахъ не бывало, за то бы и не брался, а то вотъ теперь изъ-за тебя, дурака, приходится мнѣ самому трудиться...» Пришли попъ и Григорій къ болоту; лошадь, дѣйствительно, какъ говорилъ Григорій, стоитъ, хвостомъ не шевельнется; мертвая, такъ будетъ ли шевелить?!...

Какъ же теперь вытащить лошадей? А вотъ что, батюшка, говоритъ Гришка, я, какъ простой мужикъ, буду пихать лошадей съ хвоста, съзади: мнѣ простому мужику живѣтъ; а ты, какъ попъ, будешь тащить съ головы... Поправился такой распорядокъ полу. Накивнулъ онъ на голову лошади петлю, выбралъ посухѣе мѣсто на кочкѣ, оперся правой ногой о пенъ и давай тащить лошадей что есть мочи... «Ой, батюшка, говоритъ Гришка, не тащи такъ сильно лошадей, неравно голова оторвется». Попъ тащелъ, тащилъ.—голова у лошади вдругъ оторвалась, и онъ, какъ снопъ (или—какъ стручекъ), «палло», хлопнулся на пенъ; едва живъ остался, такъ сильно ударился жирной спиной о пенъ. А Гришка правъ: говорилъ я тебѣ, батюшка, тише нужно тянуть, не послушался, на себя теперь и пеняй: голову у лошади оторвалъ и спину себѣ досадилъ...» А самъ въ это время отвернется въ сторону и смѣется надъ простоватымъ попомъ...

Случилось также Григорью весной ходить въ лѣсъ на тетѣрь. Ходить Григорій по «корбѣ» (густой лѣсъ) со своей Мутти, ходить посвистываетъ, не столько тетѣрь стрѣляеть, сколько пѣсенъ поетъ. Пришло время обѣденное, солнышко высоко надъ лѣсомъ поднялось, и сталъ Гришка обѣдъ варить. Развелъ огонь, положилъ рябчика въ горшокъ, налилъ его водой и поставилъ на огонь кипятиться... Ужъ булькаетъ, кипитъ, паръ съ горшка столбомъ валитъ,—слышитъ вдругъ Григорій, что идутъ къ нему на просьбу какіе-то люди, топорами звѣнать, ружьями пощелкиваютъ—должно быть разбойники. Гришка скорѣхонько затопталъ огонь, нарылъ на него свѣгу, а горшочекъ поставилъ на растаявшую кочку, самъ стоитъ и надъ горшкомъ палочкой помахииваетъ, а горшокъ свое дѣло дѣлаетъ—пары пускаетъ, пріятныхъ запаховъ носъ щекочетъ—Подходятъ разбойники. «Что ты, Гришка, дѣлаешь? спрашиваютъ они; зачѣмъ палочкой надъ горшкомъ помахииваешь?»—А посмотрите, говоритъ Гришка, подойдите поближе, поглядите, что съ горшкомъ дѣлается... Смотрятъ разбойники и удивляются,—горшокъ на голой кочкѣ стоитъ, а рябчикъ въ немъ ужъ совсѣмъ готовъ,—сварился.

«Продай, говорятъ Гришкѣ разбойники, продай намъ этотъ горшокъ. Намъ онъ очень бы годился: на промыслѣ иной разъ вздохнуть некогда, столько работы бываетъ, гдѣ ужъ тутъ бабынѣмъ дѣломъ заниматься: огонь разводить да обѣдъ варить; а въ горшокъ твой чего только ни накладе, все нигомъ безъ огня скипитъ». — Отчего же, говоритъ лѣнливо Гришка, отчего же и не продать? Продать можно, лишь бы деньги дали хорошія.—«А сколько же ты просишь?»—Да ни много, ни мало, а рублей 10. Покопались разбойники у себя на вороту, въ кожаныхъ кошелькахъ, достали деньги и съ поклонами отдали Григорью. А Гришка радъ, что деньги получилъ и разбойниковъ обдулъ... Проходитъ недѣля... Гришка начинаетъ побавняться, что вотъ вотъ разбойники нагрянутъ на его домъ и тогда ему плохо придется за обманъ. Думаетъ, что въ такой-то день они непременно придутъ къ нему, и идетъ въ этотъ день опять въ лѣсъ на охоту съ неразлучнымъ Мутти. Предъ уходомъ въ лѣсъ поймалъ Гришка двѣ маленькихъ птички—трясогузки (паске-чивчуй), совершенно другъ на друга похожихъ. Одну берётъ съ собой въ лѣсъ, а другую дома бабѣ оставляетъ; «да смотри, баба, говоритъ Гришка, чтобы сегодня ты у меня, какъ можно больше, пироговъ напекла: ростеговъ, сканцевъ съ кашей, чупуковъ, кокачей, колобовъ...; сегодня у насъ гости будутъ, да, смотри, не забудь, приготовай все, какъ слѣдуетъ, по хорошему, иначе я у тебя живой шкуру сдеру». Пошелъ Гришка въ лѣсъ. Опять, какъ и въ первый разъ, ходитъ по корбѣ, посвистываетъ, не столько теперь стрѣляетъ, сколько пѣсни распѣваетъ. Поднялось солнышко высоко надъ лѣсомъ, наступило время обѣденное, слышитъ Гришка, что какіе-то люди къ нему на просьбу подходятъ, топорами звѣнать, ружьями пощелкиваютъ.—Разбойники, думаетъ Гришка, а у самого «брюхо отъ страху ниже ножныхъ пальцевъ упало» (корельское выраженіе для обозначенія страха). «Ну да раньше времени бояться нечего; посмотримъ, кто кого обидитъ»; встряхнулъ волосами, стоитъ и поджидаетъ гостей.—А, вотъ самъ Гришка, говорятъ разбойники, завидѣвъ Григорья. Ты что, братъ, обманулъ насъ, деньги взялъ сполна, а горшокъ далъ никуда негодящійся. Мы палочкой надъ нимъ махали, махали, а шей себѣ однако не сварили.—Вотъ за это тебя слѣдуетъ убить. «За что убить? говоритъ въ отвѣтъ Гришка;

не я въ томъ виновать, что у васъ горшокъ безъ огня не кипитъ; нужно было вамъ слова нѣкоторыя выучить, безъ которыхъ ничего не будетъ, хоть годъ палочкой пома- хивай... Не вѣрите мнѣ? Вотъ у меня въ рукахъ птичка— трясогузка, самая обыкновенная птичка, а стоитъ только пошептать ей въ ухо нѣсколько словъ, и она, какъ стрѣла, прямо полетитъ къ моей бабѣ и передастъ вѣсть, чтобы обѣдъ для гостей хорошихъ готовила: чучуки и растеги страпала, блины пекла, кофей варила...» — Ужели. Гришка, у тебя птичка такая есть? Пожалуйста, сдѣлай такую милость, отирывъ ей къ бабѣ, пусть она обѣдъ готовить, и мы бы у ней встать могли... «Отчего же, говорить лѣнливо Григорій, можно»... Взялъ птичку, пошепталъ ей въ ухо и пустилъ ее въ лѣсъ на всѣ четыре стороны... Птичка быстро вспорхнула и скоро скрылась изъ глазъ разбойниковъ. Идутъ разбойники въ домъ Гришкинъ, а сами сомнѣваются: — «ужели, говорятъ между собой, птичка-то и вправду къ бабѣ слетѣла и приказъ отдала—обѣдъ готовить». Приходятъ, наконецъ, въ домъ—и что же? Птичка на окнѣ по стекламъ порхаетъ, а у бабы уже пироги масломъ намазаны, обѣдъ готовъ, кофей сваренъ, послѣдній «чучукъ» съ кашей свѣртывается.

Съли разбойники за столъ, ѣдятъ, пьютъ, ѣду похваливаютъ, но больше и больше птичку удивляются.—Ну, и птичка у тебя, Гришка; не птичка, а кладъ, продай ты её намъ; она намъ очень бы погодила; въ другой разъ далеко въ лѣсу бродишь, придешь домой холодный, голодный, а у бабы ничего, оказывается, не приготовлено; а будь такая птичка, какъ у тебя, взялъ бы да заблаговременно и послалъ её, и велѣлъ бы передать бабамъ,—чтобы обѣдъ скорѣй готовили, и было бы очень удобно. Продай намъ, Гришка, её...—«Отчего же, говоритъ лѣнливо Гришка, и не продать; продать можно, лишь бы деньги дали хорошия!»—А сколько же ты просишь? — «Да ни много, ни мало, а рублей 10». Покопались разбойники у себя на вороту въ кожаныхъ кошель-кахъ, достали деньги и съ поклонами отдали Григорью. А Гришка имъ наместо птичку далъ, и самъ радъ, что деньги получилъ и разбойниковъ обдулъ.

Проходитъ недѣля, другая... вдругъ въ одинъ день нагрянули разбойники въ Гришкинъ домъ, связали Гришку по рукамъ и ногамъ и говорятъ ему: «ну, теперь мошенникъ, не уйдешь отъ насъ; полно тебѣ обманывать насъ, какъ маленькихъ дѣтей; будетъ тебѣ—п деньги выманивать; пришло время свести съ тобой счеты...» Взяли связаннаго Гришку, посадили въ кулъ, кулъ зашили, бросили его на возъ и повезли на ледъ озера. Привезли на средину озера, и всѣ общимъ голосомъ порѣшили утопить Гришку... Но, какъ на грѣхъ, ни у кого не оказалось съ собой пѣшны («пуразъ»), чтобы сдѣлать прорубь. Подумали разбойники, потолковали и отправились всѣ домой за пѣшней, а Гришку, зашитаго въ кулъ, оставили тутъ же, на озерѣ, не убѣжить. молъ, а возить его зря взадъ и впередъ не стоитъ. Сидитъ Гришка въ кулѣ и думаетъ: «насталъ, должно быть, мой конецъ, теперь ужъ никакъ не вывернешься, приходится, вѣрно, умирать; ну, пожить и—довольно...» Слышитъ вдругъ какъ-будто вдали колокольчикъ ямщицкій зазвенѣлъ.—Должно быть баринъ какой-нибудь проѣзжій ѣдетъ... Гришка сейчасъ же на хитрость пустился; сидитъ въ кулѣ и такъ жалобно стонетъ: «хотятъ въ попы ставить, а грамотѣ не умѣю; хотятъ въ попы ставить, а между тѣмъ грамотѣ не знаю...» Подѣхалъ проѣзжій баринъ поближе, замѣтилъ кулъ, прислушался:—кто-то стонетъ: «Хотятъ въ попы ставить, а грамотѣ не умѣю»; велѣлъ баринъ ямщику остановиться, распоролъ кулъ и вывелъ на свѣтъ Вожій Гришку. «Какимъ образомъ попалъ ты въ кулъ?» спрашиваетъ баринъ Гришку.—«Да вотъ, добрый человекъ, говоритъ Шутъ, хотѣли меня попомъ сдѣлать, а я грамотѣ не знаю и не хочу идти въ попы, такъ меня, чтобы хотя насильно въ попы поставить, взяли и зашили въ кулъ... Выслушалъ баринъ Гришку, и самому ему захотѣлось сдѣлаться попомъ «Если ты не идешь въ попы, говоритъ онъ Гришкѣ, такъ пусти меня, я грамотѣ умѣю...»—Отчего же, лѣнливо отвѣчаетъ Гришка, можно; только тебѣ, баринъ, слѣдуетъ въ мою одежду нарядиться, и въ кулъ сѣсть. Баринъ безъ словечка согласился: снялъ съ себя еновыи тулупъ, черные сапоги, одѣлся въ Гришкинъ кафтанъ и засѣлъ въ кулъ, а Гришка зашилъ его. Потомъ Гришка одѣлся въ барское платье, засѣлъ въ

барскія сани, свистнулъ я поѣхалъ... А между тѣмъ баринъ сидитъ въ кулѣ и твердитъ: хотать въ попы ставить, и я грамотъ знаю. Пришли разбойники, принесли пешню, сдѣлали ея прорубъ и спустили туда кулѣ съ бариномъ. «Ну, теперь не высочить ттуда, говорятъ разбойники, смотри только пузырьки встанутъ на поверхности. Хотѣли уже уходить домой—глядятъ—на встрѣчу нѣтъ Гришка ѣдетъ. Сидитъ въ саняхъ, развалился, какъ баринъ, въ енотовомъ тулупѣ, въ черныхъ сапогахъ, и подъ другой колокольчикъ звенить. Разбойники какъ увидѣли, такъ и ахнули; сняли шапки, поклонились Гришкѣ и спрашиваютъ у него: «Сдѣлай милость, скажи какимъ образомъ ты живъ остался и лошадей гдѣ нажилъ, вѣдь сейчасъ только мы утопили тебя въ озерѣ...» — Эхъ, братцы, говоритъ нѣтъ Гришка, вы хотѣли мнѣ зло сдѣлать, а нѣтъ оказалось, что вы мнѣ добро сдѣлали; опустился я это на дно озера, а тамъ, братцы, каждому, кто съ этого свѣта туда спустится, лошадей дадутъ, сани и хорошую одежду; каждому, кто бы ни пришелъ туда...

«Ой, Гришенька, спусти насъ въ прорубъ, стали просить разбойники, спусти насъ подъ ледъ, мы тебѣ благодаримъ...» Отчего же, говоритъ лѣниво Гришка, можно... Прыгайте сами въ прорубъ, а тамъ на днѣ увидите и повѣрите, что я вамъ правду говорилъ.

Стали прыгать разбойники въ прорубъ, и послѣ нихъ только пузырьки встанутъ на поверхности. Прыгнулъ одинъ, прыгнулъ другой, а остальные ждутъ своихъ товарищей, стоять около проруби... «Что же, говорятъ Гришкѣ разбойники, наши товарищи такъ долго не возвращаются, пора бы, кажется, придти имъ обратно...» — Ахъ, братцы, отвѣчалъ Гришка, они, не какъ я, выбираютъ лучшихъ лошадей и покрасивѣе сани... Я такъ прыно: хватилъ, что было поближе да поскорѣ вонъ, а они видишь не такъ: выбираютъ какъ бы все получше... «Такъ пожалуйста, Гриша, спусти насъ поскорѣ подъ ледъ...» — Прыгайте всѣ скорѣе да по очереди, чтобы не прятствовать другъ другу. И всѣ разбойники другъ за дружкой поскакали въ озеро... А Шутъ-Григорій радъ, что живъ остался и отъ разбойниковъ навсегда отвязался.

Пастухъ и дьяволъ.

Въ одной деревнѣ жилъ былъ молодой пастухъ, по имени Пекко. Пасъ коровъ Пекко хорошо: на ночь въ лѣсу не оставлялъ, утромъ, на пастбище рано прогонялъ и пасъ на такихъ мѣстахъ, гдѣ росла трава до поясу (по поясъ). Хвалятъ Пекко бабы, не нахвалятся... Вотъ однажды, когда Пекко былъ со стадомъ далеко въ лѣсу, приходитъ къ нему дьяволъ (пахалайна) и говоритъ ему: давай Пекко—поштраемся силой...—Отчего же, отвѣчаетъ ему Пекко, поштраяться можно, я не прочь; вотъ возьмемъ каждый по камню изъ «кивишальп» (груда камней, собранная на полѣ), и кто можетъ такъ зажать его сильно въ рукѣ, что изъ него потечетъ вода, тотъ будетъ сильнѣе... Дьяволъ со смѣхомъ взглянулъ на молодого пастуха, осмѣливавшагося такъ дерзко говорить съ нимъ, взялъ камень и крѣпко сжалъ его въ своей рукѣ. Камень хрустнулъ и разсыпался мелкимъ пескомъ. «Ну, итъ, братъ, говоритъ ему Пекко, это еще не сила, у тебя вода не течетъ изъ камня, а вотъ погляди-ка, какъ я буду дѣйствовать... Предъ приходомъ дьявола Пекко только что испекъ на огнѣ нѣсколько рѣпинъ—«пачой» и спряталъ ихъ между камнями въ «кивишальп», Теперь онъ вытащилъ одну изъ нихъ, сжалъ въ рукѣ, и изъ «пачой» потекла вода. «Смотри-ка, братъ, говоритъ дьяволу, у меня изъ камня вода течетъ». Дьяволъ удивился силѣ Пекко и сталъ просить его, что бы онъ сдѣлался его работникомъ. «Отчего же? можно».. говоритъ Пекко, направилъ стадо коровъ по дорогѣ къ деревнѣ, а самъ пошелъ съ дьяволомъ—служить ему... Работаетъ Пекко въ домѣ дьявола, ходитъ съ топоромъ по улицѣ, но угламъ избы обухомъ пощелкиваетъ. Вотъ разъ дьяволъ съ Пекко отира-вились въ лѣсъ дрова рубить. Срубилъ дьяволъ громаднѣйшую ель и, не обсыкая вѣтвей, хочетъ тащить ее домой... Видитъ Пекко, что дѣло плохо, и если не схитрить, то, пожалуй, еще издохнешь подъ тяжестью дерева... «И, говоритъ онъ дьяволу, такъ какъ буду сильнѣе тебя, то понесу «комель», а ты иди въпереди неси дерево за верхушку, по твоимъ силамъ и этого достаточно»... Взявъ вѣтвистую верхушку на плечи, дьяволъ тащить, кричитъ, а Пекко сидитъ на комлѣ и пѣсни поетъ... «Да смотри ты у меня, покрикиваетъ онъ на дьявола, если будешь останавливаться да оборачиваться назадъ, такъ-таки между лопатокъ топоромъ и щелкну». Идетъ дьяволъ, кричитъ подъ тяжелой ношей, а остановиться и обернуться ни разу не смѣетъ: боится, что топоромъ отъ работника достанется. Приходитъ дьяволъ домой и рассказываетъ женѣ: «ну, и работникъ же намъ попался, жена; силаща такая, что и сказать нельзя... Сегодня и въ лѣсу парочно срубилъ самую большую ель и, не обрубая вѣтвей, понесъ. Пекко самъ выпросился «комель нести, а мнѣ верхушку далъ. Я едва несу, охую, ноги подламываются, а онъ легонько такъ несетъ, пѣсни поетъ да на меня покрикиваетъ: если хоть разъ-моль оглянешься, такъ-таки топоромъ и свистну между лопатокъ. Что теперь намъ дѣлать съ такимъ силачемъ?—Убить его слѣдуетъ, совѣтуетъ дьяволу жена, иначе никакъ отъ него не отвяжешься. Какъ пойдетъ онъ спать въ сарай, въ сани, говоритъ она мужу, уснетъ тамъ, ты возьми топоръ, поди и щелкни его по головѣ, ужъ навѣрное тогда сдохнетъ. Дьяволъ согласился, и рѣшено было убить Пекко въ первую же ночь. А Пекко между тѣмъ стоялъ въ сѣняхъ за дверью, слышалъ отъ слова до слова весь совѣтъ «пахалайна» съ женою. «Ну, думаетъ онъ, не такъ-то вы скоро отвяжетесь отъ меня; кто кого еще выживетъ?»

Послѣ ужина, Пекко спокойно, какъ будто ни въ чемъ не бывало, отправился спать въ сарай. Легъ въ сани и ждетъ, что дальше будетъ. Слышитъ, что въ сарай идетъ дьяволъ, на цыпочкахъ подходитъ къ санямъ и прислушивается—снитъ ли Пекко или нѣтъ... Пекко же, что есть мочи, захрапѣлъ, показывая видъ, что крѣпко спитъ. Возвратился дьяволъ изъ сарая и говоритъ женѣ: давай скорѣй топоръ, работникъ спитъ крѣпко, настало время сплавить его съ этого свѣту. Снова идетъ дьяволъ въ сарай, только теперь уже съ топоромъ, намѣреваясь сразу же прикончить съ сильнымъ работникомъ. А Пекко между тѣмъ, пока дьяволъ ходилъ за топоромъ въ избу, вылѣзъ изъ саней, и въ сани на мѣсто себя положилъ чурбавъ, обернулъ его кафтаномъ, а самъ забрался подъ сани и ждетъ. Приходитъ дьяволъ вторично въ сарай; подбѣжалъ это къ санямъ и что есть мочи—хватъ но чурбану топоромъ: Ну, жена, теперь ужъ, навѣрное, издохъ; пойдешь, ляжешь спать, уснемъ спокойно, а завтра закопаемъ Пекко въ болотѣ. На утро Пекко встаетъ, преспокойно идетъ въ избу и, къ изумленію своихъ хозяевъ, оказывается живымъ и вполне здоровымъ. «Какъ еще ночь эту спалъ?» спрашиваетъ дьяволъ у него.—«Да ничего, спалъ хорошо, только около полуночи, что-то ущипнуло за лобъ, какъ будто комаръ укусилъ». «Ну, и на работника же мы съ тобой, жена напали», шепчутся—дьяволъ и его жена; «ужъ какъ я обухомъ его треснулъ по лбу? А для него это—все равно, что комаръ укусилъ. Нужно теперь придумать другое средство... Вотъ что мы сдѣлаемъ, .. совѣтуешь дьяволу жена—«Возьмемъ ригачу» (выраженіе, означающее,—стопить «ригачу»; насадить ее хлѣбомъ и обмолотить), и когда Пекко на ночь уйдетъ топить печь въ ней, ты поди и подожги «ригачу»; «ригача» сгоритъ, но и Пекко ужъ тогда не уцѣлѣетъ»... Такъ совѣтуешь дьяволу поступить—жена, а, между тѣмъ, Пекко все это за дверями подслушалъ и «на умъ» себѣ взялъ: ну, думаю, не такъ-то вы скоро отъ меня огвяжетесь; кто кого со свѣту сживетъ? Какъ задумали дьяволъ съ женой, такъ и сдѣлали: взяли ригачу,—насадили ее полную овса и Пекко посадили на ночь топить въ ней печь... Топить Пекко ночь, а самъ на двери поглядываетъ, какъ бы изъ риги по добру по здорову удрать.. Вдругъ въ самую полночь—рига вспыхнула, со всѣхъ четырехъ угловъ загорѣлась. А Пекко уже приготовился бѣжать; схватилъ охапку соломы, и самъ—драво въ лѣсъ. Проспалъ тамъ до утра, а утромъ, когда пожаръ прекратился, и на мѣстѣ риги осталась только куча золы, пришелъ на пепелище, подосаждать въ сторонкѣ соломы подъ бокомъ, свернулся калачикъ и уснулъ... «Ну, теперь, навѣрное, ужъ сгорѣлъ, разговариваютъ—дьяволъ съ женой, теперь и косточекъ работника не отыщешь»... Приходить на пожарище и ума не могутъ приложить? Лежитъ Пекко на соломѣ и громко похрапываетъ... Все—около него сгорѣло, а окъ цѣлъ остался, и даже самая солома подъ бокомъ не задымилась. Ну, жена, говоритъ дьяволъ, нашего работника и огонь не жжетъ; вѣрно, придется намъ по добру по здорову бѣжать изъ своего дому, пока мы еще живы, пока работникъ нашъ не задумалъ еще убить насъ... Съ такой силой все можно сдѣлать. —Рѣшились дьявола и жена бѣжать изъ своего дому, задумали скрыться отъ сплacha работника Пекко. Некутъ хлѣбъ, сушатъ сухари, готовятъ въ дорогу—бѣжать... А Пекко, слушая за дверью, опять узналъ обо всемъ и думаетъ: «куда-то вы убѣжите отъ меня? Куда то вы скроетесь отъ своего работника?» Напекли насущили дьяволъ съ женой три цѣлыхъ мѣшка сухарей и уже назначили самый день, когда побѣгутъ: дьяволъ условился взять два мѣшка, а жена его—мѣшокъ. А Пекко, между тѣмъ, на канунъ того дня, въ который условились дьяволъ и жена его бѣжать, высыпалъ изъ одного мѣшка сухари, убралъ ихъ подальше, и самъ забрался въ мѣшокъ и сидитъ молча, не жуя... Наступилъ, наконецъ, самый день побѣга... Дьяволъ, ничего не подозревая, взвалилъ на плечи два мѣшка, въ одномъ изъ которыхъ сидѣлъ Пекко, а жена остальной—третій. Идутъ спѣшать, подъ тяжестью мѣшковыхъ крихтятъ; прошли довольно большое разстояніе и задумали позавтракать: «теперь ужъ работникъ не догонитъ насъ, еслибъ и захотѣлъ бѣжать за нами»... Сняли съ плечъ мѣшки и только что начали сухари грызть, вдругъ Пекко и закричалъ изъ мѣшка: подождите немножечко, и я съ вами позавтракаю...—«Ой, жена,

говорить дьяволъ, слышишь?... Кричить, догонять насъ, и ужъ близко должно быть... Побѣжить еще дальше»... Снова схватили мужъ и жена мѣшки и ну бѣжать... Бѣжали, бѣжали, утопились, захотѣли ѣсть и рѣшились остановиться и отдохнуть. Опять сняли съ плечъ мѣшки, усѣлись, ужъ только бы сухари взять въ руки да грызть, вдругъ—слышать голосъ работника: Подождите немножечко, вѣстѣ пообѣдаемъ; я сейчасъ буду съ вами...—Жена, слышишь? Говорить дьяволъ, Пекко кричить, догонять насъ и ужъ близко должно быть... Побѣжить еще дальше, авось скроемся»... Снова схватили дьяволъ и жена мѣшки и ну бѣжать... Бѣжали, бѣжали, высунули языки, и отъ утомленія оба сразу пали на землю и издохли... А Пекко выбрался изъ мѣшка, забралъ изъ дьявольскаго дона все, что поцѣнило, и пришелъ въ свою деревню, и снова сталъ жить по прежнему—пасты стадо коровъ. Такъ пастухъ избавилъ людей отъ «папалайна».

Сообщилъ и перевелъ съ морельскаго языка:

Н. Лысковъ.
